

**Выступление К.П.Флоренского в Абрамцевском музее на вечере,
посвященном 100-летию П.А.Флоренского,
22 ФЕВРАЛЯ 1982 г.¹**

Я рад, что у нас здесь такая несколько интимная обстановка, и я меньше всего хотел бы делать доклад. Доклад должен быть какой-то очень определенный, по конкретной теме. Мне хотелось поделиться просто некоторыми, ну, впечатлениями, что ли, ощущениями, которые частично построены на моем близком знании отца, частично на моем воспоминании, частично на документах. Я спрашивал, что, может быть о биографии Флоренского рассказывать? — «Нет», мне отвечают, «биографию мы знаем». Но, в общем-то, человека без биографии не бывает, поэтому я буду некоторые вещи биографические говорить, но в таком аспекте, которого вы можете и не знать. Во всяком случае, формальной части я не буду касаться.

Материалов по Флоренскому, точнее, у Флоренского, очень много. Они частично, помимо изданных, находятся в виде относительно законченных рукописей, но гораздо больше в виде отдельных заметок, черновых набросков, мыслей, записей, дат. Этот материал очень велик и разнообразен [...] ² и для того, чтобы привести его в порядок, надо настроиться на резонанс с Павлом Александровичем, а это дело не простое, поскольку, ну, наверное, это должен делать я, а я все-таки сильно был связан своей работой по основной специальности и никогда не мог посвятить себя этому делу целиком.

Совершенно отчетливо видно, что внимание к Павлу Александровичу все усиливается. Почему это происходит, чем он особенно интересен? Наверное, тем, что пытался создать общее мировоззрение ³, как пишет о себе в ряде мест. Верное или неверное — другой вопрос, но это вот общее мировоззрение, когда человек чувствует себя единым. Начиная с XVII века, и во всяком случае с XIX века человечество, наука, искусство все время дробились, и дробились. Создавалось бесконечное количество очень многих методов анализа — химического, физического, математического, какого угодно. Искусство дробилось на тысячи «-измов», и в литературе, и в графике. А вот непосредственное ощущение, непосредственное восприятие природы, окружающей реальности, оно исчезало все время. Наиболее крупные умы давно говорили о том, что это путь опасный и не может продолжаться бесконечно, что должна начаться эпоха синтеза. Еще Карл Маркс говорил о том, что в будущем наука о природе и наука о человеке станет единой наукой. Не будет противоположности между так называемыми точными и гуманитарными науками. Об этом же предупреждали многие другие, но, тем не менее, жизнь-то шла в сторону раздробления. И все это становится сильнее и сильнее.

Почему же у Павла Александровича возникла возможность думать о таком синтезе и всерьез думать, работать над ним, а не просто говорить. Я представляю себе так, что Павел Александрович очень глубокий диалектик. Он видит глубокие трещины, которые проникают в современное сознание, и говорит о том, что не надо их замазывать, не надо не обращать на них внимания, сглаживать, а надо наоборот, как-то их подчеркнуть и понять, как же это должно быть решено для того, чтобы все-таки, несмотря на двойственность миропредставления, создать истину.

Я думаю, что прав Павел Александрович, когда говорит, что основные представления, основное содержание человека создается в очень раннем детстве⁴. И в этом отношении, наверное, логично вспомнить обстановку, в которой он родился. Вы представьте себе тогда еще дикую Муганскую сухую степь, в которой заново проводится железная дорога, и там товарные вагоны стоят, в которых жила семья, и эти вагоны внутри обиты коврами⁵. Вот такое сочетание глубокой какой-то древности, почти что кибитки, с новой техникой, что врывается в жизнь, оно мне кажется очень символичным. Потом, когда семья переехала в Тифлис⁶, там такое противоречие между двумя мирами что ли, двумя настроениями, двумя типами жизни продолжалось. Мать Павла Александровича — из старого армянского рода⁷. Те, кто был на Кавказе, даже сейчас представляют, как старый кавказский быт, обычаи резко отличаются от привычных для нас европейских условий. Так вот, в доме, в семье Флоренских такое противоречие было, я думаю, очень резким. Отец — Александр Иванович — инженер-путеец⁸, светлая голова. Он я бы не сказал «деловой» — это нехорошее слово какое-то, — но уважающий, любящий технику, посвятивший всю жизнь технике, и в то же время стремящийся создать, как писал Павел Александрович, уединенный остров семьи⁹. И в этом уединенном острове существовали старые кавказские обычаи. Но они тоже были в известной степени расшатаны и тоже наделены глубокими противоречиями. Армянская культура того времени, она представляла собой разное сочетание, ну, западноевропейской, французской что ли культуры с одной стороны, когда, например, в доме господствовала европейская музыка, широко было развито европейское искусство, а с другой стороны, сохранялись вот эти самые армянские древние, почти что средневековые корни. Мне кажется, что такие условия быта, они заложили очень серьезные основания для того, чтобы попытаться примирить их. Там Павел Александрович, Павлик в детстве, тоже очевидно разрывался между этими двумя возможными путями. Под влиянием отца он занимался геологией, химией, физикой, то есть точными наблюдательными науками. С другой стороны — он был очень впечатлительным, очень нервным ребенком, который помимо такого рационального познания мира придавал большое значение эмоциональностям.

Он очень любил цветы. Через всю свою жизнь он пронес любовь к цветам. И в Загорске¹⁰, в Посаде¹¹, в своем саду он занимался цветами, сажал их. Он не любил рвать цветы, не любил собирать большие букеты, он просто страдал, когда видел громадные букеты желтых бубенчиков купавы, которые набирали очень многие. Раньше громадные заросли были, сейчас они почти что повывелись, запрещены даже к сбору в пределах Московской области, а тогда их было много. Так он страдал, видя это, и от охапок черемухи, которые наламывали. Он выкапывал в лесу цветы, в саду сажал лесные цветы. И к каждому цветку относился в течение всей своей жизни, как к живому существу. Я об этом еще потом несколько скажу.

Так вот, гимназисту Флоренскому его отец сказал, что его место на грани науки и поэзии¹². Павел Александрович очень обиделся тогда на это замечание. Потом, в течение своей жизни, как он сам говорил, он понял, что действительно, все его существование шло на грани науки, и искусства, и эмоций, и в попытках их примирения. Помимо технической стороны жизни, о которой я говорил, Павлик или Павля, как его называли, проводил целый день за опытами, делал очень интересные приборы. Ряд опытов не потеряли своего значения до сих пор, насколько я понимаю, просматривая сохранившиеся страницы¹³.

Семья была художественной. В семье очень много внимания уделялось музыке. Ну, чисто формально, я так скажу, что три сестры Павла Александровича — это просто художницы по специальности¹⁴. Брат — минеролог, геолог-минеролог, который занимался камнем, главным образом, видел камень с этической стороны¹⁵. Он занимался драгоценными и полудрагоценными камнями, и в то же время был археологом и искусствоведом. Коллекции, собранные им — он несколько коллекций передал в Эрмитаж — тоже на грани искусства. Двоюродная сестра — Тамара Аркадьевна Арманд¹⁶ — искусствовед, она тканями коврами занималась. Племянница — Наталия Флоренская и ее сын Александр — художники¹⁷. Другая племянница — Ольга Кониашвили¹⁸ и ее дочь Марина¹⁹, они живут в Тбилиси — тоже художники. Двоюродный племянник — Константин Гамаякович Карамян²⁰ — в Москве — художник. Я недавно напал на его след, который был потерян, но я знаю, что он художник-профессионал.

Значит, вот эта художественная линия, художественная струя глубоко проникла все существо Павла Александровича. Помню, он в Загорске очень любил читать стихи. Вообще, он любил своих детей, много уделял внимания им, несмотря на очень большую занятость. Но, когда бывал свободным, он читал нам стихи, главным образом. Иногда читал драматические произведения — Пушкина, Гете, Гомера, Тютчева, Гумилева, Андрея Белого²¹. С Гумилевым его связывала одна интересная сторона. Вот эти африканские стихи, абиссинские стихи Гумилева²², они затрагивали Павла Александровича потому, что он был

близко знаком с таким человеком, как Антоний Булатович²³. Это гвардейский офицер, который был в экспедициях в Абиссинии, помогал обустроить войско Менелика [...] Второго²⁴, когда там шла борьба с итальянцами, и сохранил глубокие связи с Абиссинией²⁵. Он стал монахом и возглавлял, или, во всяком случае, участвовал в так называемом Имяславском движении²⁶. Он был близок с Павлом Александровичем. Они так, в полушутку что ли, говорили о том, что хорошо бы от не[...]ников получить остров необитаемый маленький и устроить там коммуны толстовского типа, и построить жизнь, как хочется. Но этой полушуткой была [...] родственная связь какая-то с Абиссинией, и отсюда Гумилевым усилена. Наряду с серьезными вещами, отец любил, скажем, Козьму Пруткову²⁷. Он часто нам его читал.

Музыкой мы часто занимались вместе. Иногда пели хором, иногда играли в четыре руки, что он очень любил. Вот тут одна из фотографий показывает его за пианино. Пели мы, конечно, очень простые вещи, но иногда и интересные латинские гимны на средневековой латыни, и старые русские песни. В общем, это оставило большое впечатление. У нас часто бывала пианистка Юдина²⁸, которая была близка к отцу и ко всем нам.

Отец был тесно связан в разное время со многими поэтами разных направлений. И так создается несколько странное впечатление, набор. Ближе он был, во всяком случае, в начале с Белым, потом с Вячеславом Ивановым²⁹. Но сохранились его связи и с поэтами совершенно других направлений. [...] письма от Николая Асеева³⁰. У него было знакомство с Хлебниковым³¹, с футуристами такого типа³², потом с учеными-поэтами, с художниками — Максимилианом Волошиным³³, Чижевским³⁴. Тесное общение у нас в семье, точнее у отца, прежде всего, было с рядом художников. Наверное, всех я не смогу перечислить. Так просто наугад могу назвать. Ну, Нестерова³⁵ помню довольно отчетливо. Очень близкие отношения были с семьей Фаворских. Я говорю с семьей потому, что там не один Владимир Андреевич³⁶ был, а его жена³⁷ и мать Владимира Андреевича³⁸, отец жены, потом сыновья Фаворских³⁹. Ну, целый такой клан был [...]. Затем Павлинов⁴⁰, Комаровский⁴¹, Жегин⁴², Вышеславцев⁴³. Отдельно, наверное, надо выделить Ефимовых⁴⁴, у которых Павел Александрович часто бывал, ночевал, помимо обсуждения чисто таких художественных дел.

Значит, на основе чего у Павла Александровича основана попытка создать связи с мировоззрением? Как это получается? Я представляю себе таким образом, то есть я почти уверенно говорю, что он так же думал: чем позже мы создаем, тем проще строим. И это очень характерно для него. Если ранние его работы рафинированны, обогащены труднопонятными выражениями, рассчитанными на несколько изысканную публику, на интеллигенцию начала XX века, то в более поздних он выражается очень просто.

Меня удивляет, когда говорят, что его не понимают. Он говорил мне так: что, скажем, если ты не можешь объяснить какой-то вещи своему сыну малолетнему (ну, он имел в виду меня, но я переношу дальше), то это значит, что ты сам хорошо не понял этого, сам не понимаешь. Если ты понял что-то, то ты обязан объяснить любому самому маленькому человеку. Я бы сказал, что работы Павла Александровича 20-х годов построены, несмотря на всю сложность вопросов, по такому принципу: они очень просто, логично и понятно приводят к результату.

Так вот, последняя эпоха, скажем, в XIX веке, она характеризуется с одной стороны раздробленностью, а с другой стороны — попыткой создать мировоззрение в виде какой-то плавной функции, плавной кривой. Вот, у нас есть аргумент, есть причина какая-то, и следствие должно расти в виде непрерывной кривой. Это, может быть, скажем, волнистая кривая, может быть круто изгибающаяся, может быть даже зубчатая пилообразная, но это все же непрерывная система. Павел Александрович считал ведь так, он считал, что мир построен (в гораздо большей степени, в значительной своей части) по принципу кривых, имеющих разрывы. Если вы представляете это, тип тангенсоиды, скажем, когда по мере того, как увеличивается угол, у нас кривая уходит в плюс-бесконечность. А потом чуть-чуть повернули на бесконечно маленькую величину, она раз — и в минус-бесконечность опять вылезла. Вот такой колоссальный разрыв — от плюс-бесконечности до минус-бесконечности. И вот, он себе представлял, что мир антиномичен или диалектичен, как сейчас бы сказали, и построен по такому принципу, когда самые крайние противоположности могут быть сведены в единую, в единое мировоззрение, единое представление, но только при условии, что вы не закрываете глаза на эти разрывы, а их подчеркиваете, их изучаете. И вот изучением этого, собственно, он и занимался.

Значит, если одним словом современным охарактеризовать его работы, и искусствоведческие, и богословские, то вульгарно, то, что я говорю, но, наверное, это все-таки наиболее близко, это надо назвать психоанализом⁴⁵. Психоанализ искусства, психоанализ чувства, психоанализ науки. И вот, у человека есть несколько таких глубочайших антиномий, противоречий, из которых Флоренский подчеркивал, скажем, противоречие между конечностью и бесконечностью.

Я, например, это очень сильно чувствую. Мне приходится заниматься астрономическим вопросом, я геолог, но вот сейчас уже более десяти лет занимаюсь вопросами планетологии⁴⁶. Я изучаю геологию Луны, Марса, Венеры и других небесных тел и тесно соприкасаюсь с астрономией. Вот представьте себе, какой разрыв возникает внутри, если над этим задуматься. Можно не задумываться, тогда ничего страшного нет. Но если задумываться, то получается, с одной стороны, Земля — это бесконечно малая песчинка

бесконечно большой Вселенной, живущей десятки миллиардов лет. Человечество на этом фоне ничего не стоит и ничего не значит абсолютно, не стоит им заниматься, не стоит им интересоваться. А с другой стороны, мы-то исходим из того, что все для человека, то, что мы делаем. Что человек является центром нашей, во всяком случае, психической жизни, психического мироздания, иначе наше существование, каждого из нас, просто не нужно. Вот один из примеров такого разрыва, который надо решать [конец записи].

Примечания

- ¹ Аудиозапись выполнена ....., расшифрована.....
- ² Здесь и далее помехи в записи.
- ³ См., например: Флоренский П.А. Автореферат // Вопросы философии. — 1988. — №12. — С. 114.
- ⁴ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. — М., 1992. — С. 31.
- ⁵ П.А.Флоренский родился 9(21).01.1882 в местечке Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан), где его отец служил начальником соответствующего участка Закавказской железной дороги. «Тогда... это была чистая степь, в самом разбойничьем из мест Закавказья, среди татарских поселков, возле болотистого берега Куры... сначала мои родители жили в товарном вагоне, или товарных вагонах, обитых коврами, а потом был выстроен из волнистого железа барак, обитый внутри войлоком» (Флоренский Павел, священник. Детям моим. — С. 29).
- ⁶ В Тифлис (Тбилиси) семья Флоренских переехала осенью 1882 г.
- ⁷ Флоренская (урожденная Сапарова) Ольга (Саломия) Павловна (1859 – 1951). В «Генеалогических исследованиях» П.А.Флоренский указал, что «Сапаровы — выходцы из Карабаха в XVI в.» (Флоренский Павел, священник. Детям моим. — С. 373).
- ⁸ Флоренский Александр Иванович (1850 – 1908). В 1880 окончил институт инженеров путей сообщения. К 1908 г. — помощник начальника Кавказского округа путей сообщения, действительный статский советник.
- ⁹ Флоренский Павел, священник. Детям моим. — С. 25.
- ¹⁰ Загорск, название г. Сергиев Посад в 1930 – 1991 гг.

- ¹¹ Сергиев Посад, город (с 1925), районный центр в Московской области. Историческое ядро — Троице-Сергиева Лавра, основанная в середине XIV в. Преподобным Сергием Радонежским. В Сергиевом Посаде П.А.Флоренский учился, а затем преподавал в Московской Духовной Академии (1904 – 1919).
- ¹² Флоренский Павел, священник. Детям моим. — С. 156.
- ¹³ Скорее всего, речь идет о так называемых «Экспериментальных исследованиях», особых тетрадах, в которых юный П.А.Флоренский описывал свои опыты (см. подробнее: Флоренский Павел, священник. Детям моим. — С. 192).
- ¹⁴ Елизавета Александровна Флоренская (1886 – 1959), художник, педагог; Ольга Александровна Флоренская (1890 – 1914), художник, поэтесса, некоторое время была близка к кругу Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус, затем под влиянием П.А.Флоренского отошла от них; Раиса Александровна Флоренская (1894 – 1932), художник, училась во ВХУТЕМАСе, в 1922 г. вошла в литературно-художественное объединение «Маковец» (о «Маковце» и участии в нем Флоренских см.: П.А.Флоренский: Pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. — СПб., 1996. — С. 162–172, 696–697).
- ¹⁵ Флоренский Александр Александрович (1890 – 1938), геолог-минеролог, искусствовед, археолог, этнограф; репрессирован, погиб в лагере в Магадане.
- ¹⁶ Арманд (урожденная Сапарова) Тамара Аркадьевна, дочь Аркадия Павловича Сапарова, младшего брата матери П.А.Флоренского.
- ¹⁷ Флоренская Наталия Андреевна (1939 г.р.), художник; Флоренский (фамилия по матери) Александр Олегович (1960 г.р.), сын Н.А.Флоренской, художник.
- ¹⁸ Кониева (Кониашвили) Ольга Георгиевна (1913 – .....), художник.
- ¹⁹ Иванишвили Марина Давидовна (1962 г.р.), дочь О.Г.Кониевой (Кониашвили), скульптор.
- ²⁰ Карамян Константин Гамаякович (1925 – 1990), художник.
- ²¹ Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич, 1880 – 1934), философ, теоретик символизма, поэт, прозаик, публицист, критик и литературовед, заложивший основы новой науки — ритмологии. Интерес П.А.Флоренского к поэзии А.Белого был вызван, в том числе и личным знакомством, хотя их отношения развивались довольно сложно (см.: Из наследия П.А.Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым // Контекст-1991. — М., 1991. — С. 3–99). Творчеству А.Белого П.А.Флоренский посвятил две работы:

- «Спиритизм, как антихристианство» (1904) и «“Золото в лазури” Андрея Белого. Критическая статья» (1904) (Флоренский Павел, священник. Сочинения: в 4 т. — М., 1994–1999. — Т. 1.— С. 137–145; 695–699).
- ²² Гумилев Николай Степанович (1886 – 1921), поэт, один из основоположников акмеизма, переводчик и литературный критик. Скорее всего, речь идет о четырех «Абиссинских песнях», вошедших в состав поэтического сборника Н.С.Гумилева «Чужое небо» (1912) (см., например: Гумилев Н.С. Сочинения: в 3 т. — М., 1991. — Т. 1. — С. 143–145). В собственной рецензии поэт оговорил, что «четыре абиссинских песни автора этой рецензии написаны независимо от настоящей поэзии абиссинцев». Однако следует отметить, что Н.С.Гумилев перевел некоторое количество реальных абиссинских песен, но при его жизни они не издавались (см.: Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. — Л., 1988. — С. 478–484).
- ²³ Антоний (Булатович Александр Ксаверьевич), иеросхимонах (1870 – 1919), потомственный военный, путешественник, географ, этнограф, религиозный публицист (см.: Булатович А.К. С войсками Менелика II. — М., 1971; Кациельсон И.С., Терехова Г.И. По неизведанным землям Эфиопии. — М., 1975). Под влиянием протоиерея Иоанна Кронштадтского, в 1903 г. уволился со службы, принял постриг. В 1907 г. уехал на Афон (Греция), где был рукоположен в иеромонахи. Принял схиму. В 1912 году возглавил движение имяславцев.
- ²⁴ Менелик II (1844 – 1913), император Абиссинии (с 1889).
- ²⁵ Абиссиния, устаревшее название Эфиопии.
- ²⁶ Имяславие, направление в русском православном богословии, возникшее среди афонских монахов в начале XX в. Имяславцы утверждали, что имя Божие не просто человеческое именование, но Божественная сущность. «Всякое Имя Божие как истина Богооткровенная есть сам Бог, и Бог в них пребывает всем существом своим, по неотделенности существа Его от действия Его» (иеросхимонах Антоний (Булатович)). Имяславие было объявлено ересью. Но сама проблема имени, его истолкования как чистого явления или же как носителя некоей сущностной энергии, его онтологического смысла оказалась чрезвычайно созвучной общекультурным настроениям того времени (см., например: Флоренский Павел, священник. Сочинения: — Т. 3. — Ч. 1. — С. 252–363).
- ²⁷ Прутков Козьма, коллективный псевдоним, под которым в сатирических журналах 50–60 гг. XIX в. выступали поэты А.К.Толстой и братья Жемчужниковы.

- ²⁸ Юдина Мария Вениаминовна (1899 – 1970), пианистка, профессор Московской государственной консерватории. О ее дружбе с П.А.Флоренским см.: Юдина М. Лучи Божественной любви. Литературное наследие. — М., 1999. — С. 149–150, 158 и др.; Юдина М. Статьи, воспоминания, материалы. — М., 1978; Трубачев С.З. «Только в Моцарте... защита от бурь». П.А.Флоренский и М.В.Юдина // Музыкальная жизнь. — 1989. — №13. — с. 23–26; №14. — С. 19–21.
- ²⁹ Иванов Вячеслав Иванович (1866 – 1949), философ, поэт, филолог, переводчик. П.А.Флоренский считал В.И.Иванова «мудрым поэтом» и «глубокомысленным исследователем религии» (Флоренский Павел, священник. Сочинения: — Т. 2. — С. 74). Переписку В.И.Иванова и П.А.Флоренского см.: Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. — М., 1999. — С. 93–120.
- ³⁰ Асеев Николай Николаевич (1889 – 1963), поэт, один из самых активных и заметных участников движения футуристов, испытал сильное слияние В.Хлебникова и В.Маяковского (с 1922 г. соратник В.Маяковского по Лефу).
- ³¹ Хлебников Велимир (Виктор Владимирович, 1885 – 1922), поэт, некоторое время экспериментировал в духе футуризма, в зрелых произведениях — поэтическое стремление к созданию «новой мифологии» и языка грядущего свободного человека.
- ³² Футуризм (от лат. futurum — будущее), авангардистское направление в европейской культуре начала XX в. Стремясь создать «искусство будущего», декларировал отрицание традиционной культуры (особенно ее моральных и художественных ценностей), культивировал урбанизм (эстетику машинной индустрии и большого города), в поэзии старался модернизировать естественный язык («слова на свободе», или «заумь»). О футуристических экспериментах над языком см.: Флоренский Павел, священник. Сочинения: — Т. 3. — Ч. 1. — С. 160–177.
- ³³ Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877 – 1931), поэт, художник, литературный критик, на его произведения П.А.Флоренский часто ссылается в работах, посвященных искусству.
- ³⁴ Чижевский Александр Леонидович (1897 – 1964), мыслитель-энциклопедист, историк, психолог, социолог и медик. Главный труд — фундаментальное исследование «Земля в объятиях Солнца».
- ³⁵ Нестеров Михаил Васильевич (1862 – 1942), живописец, заслуженный деятель искусств РСФСР (1942), создатель проникновенных религиозных образов («Видение отрока

- Варфоломея» (1890), «Труды Преподобного Сергия» (1896–1897), «Путь ко Христу» (1911), «На Руси (Душа народа)» (1916), «Два философа» (1918) и т.д.). В советское время занимался портретной живописью. Лауреат государственной премии СССР (1941).
- ³⁶ Фаворский Владимир Андреевич (1886 – 1964), живописец, график, монументалист, театральный художник; народный художник СССР (1963), д. ч. АХ СССР (1962). Лауреат ленинской премии (1962).
- ³⁷ Фаворская Мария Владимировна (1890 – 1959).
- ³⁸ Шервуд Ольга Владимировна (1867 – 1930), художник.
- ³⁹ Сыновья Фаворских: Никита (1915–1941), Иван (1924–1945).
- ⁴⁰ Павлинов Павел Яковлевич (1881 – 1966), график.
- ⁴¹ Комаровский Василий Алексеевич (1881 – 1914), художник и царскосельский поэт.
- ⁴² Жегин (Шехтель) Лев Федорович (1892 – 1969), художник, искусствовед.
- ⁴³ Вышеславцев Н.Н., график.
- ⁴⁴ Ефимов Иван Семенович (1878 – 1959), скульптор, график, народный художник РСФСР (1958); Симонович-Ефимова Нина Яковлевна (1877 – 1948), скульптор, график. П.А.Флоренский написал предисловие к книге Н.Я.Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника» (1925) (см.: Флоренский Павел, священник. Сочинения: — Т. 2. — С. 532–536).
- ⁴⁵ Психианализ, метод психотерапии и психологическое учение, развитое З.Фрейдом в конце XIX – начале XX вв., ставящее в центр внимания бессознательные психические процессы и мотивации.
- ⁴⁶ Планетология, комплекс наук, изучающих планеты Солнечной системы и их спутники.